

Холостой

Биография пятилетки и ее творцы

ТОЛ ПЕРВЫЙ

А К Т Е Р, И Д У Щ И Й В А Т А К У

ПОКОЛЕНИЕ Михаила Бушнова — особое поколение. Им было по восемнадцать, когда грянула война, и они надели шинели на не окрепшие еще плечи, взяли в руки, не научившиеся создавать, оружие. И глаза их, юношески восторженные, враз посуровели, потемнели. Мальчики мужали от боя к бою — прикосновением к каждой пыли русской земли, политой кровью, своей и товарищей. Мальчики прошагали много дорог на восток и на запад и закончили самую страшную из войн победителями.

ПЕРЕД экзаменационной комиссией Московского театрального института стоял молодой человек, в личном деле которого имелась лаконичная характеристика: был хорошим бойцом, награжден медалями, орденом Красной Звезды, право учиться завоевал себе в боях за освобождение Родины и Европы от фашистского ига. Комиссия смотрела уважительно на комсомольца, отличника сержанта. Но все-таки кто-то честно предупредил:

— Ваши заслуги — еще не гарантия, что вы верно выбрали профессию.

Для него это была не профессия — сама жизнь. И выбора у него не было. Он понял это тогда, когда в минуты затишья между боями наизусть читал товарищам по оружию Шолохова, Эренбурга, Симонова, Грибачева, пламенные статьи и стихи о Руси, о Советской России, и не было грани между работой комсорта роты и пробудившимся искусством чтеца. Выйти на сцену, подарить людям радость, ощутить, как душа с душою говорит, стало для него необходимым, как хлеб.

...Он не лизал душу. Он просто поддал заявления еще в два театральных вуза, сделал тройную дозу экзамена и был зачислен во все три.

ПОВУРЕВШИЕ от махры пальцы шахтера будто прикипели к ложу автомата. Полк идет. Идет на восток. Играл желваки под серой от пыли и бессонницы кожей солдата. Тяжело каждый шаг, точно пудовые гири виснут на сапогах. Злом набухают ноздри. Так накалил солдат болью и бешенством, что кажется, брызны на него — зашипит. Отступает Петр Логахин.

А с губ слетают, как шелуха от семечек, слова привычные, полустушевые: не привык солдат горе выставлять, а товарищам подбодрить надо: сини... К этому приладится, и тому подкатится, тут шутку подпустит, там солоную словцо обронит, кого молодецки по плечу хлопнет, на кого-то прищипнет — и разошлась хмара на солдатских лицах, как туман от ветра и солнца. И уже легче на сердце новобранцу перед боем, отпустила чуток тяжкая дума отца семейства.

Но хоть шутка для этого Лопахина привычна, как собственная кожа, хоть и лучшее она лекарство от всех болей и нравственных мук, не утихает в солдате гнев, весь взбодрен солдат святою ненавистью мирного человека и бесстыдствам завоевателей. Горющие хлеба, поруганные города и села, глаза крестьянской матери стояли перед внутренним взором его, когда закричал шахтер во всю мощь лунга:

— Линуца! с Дона не пойдут!
Из множества черт и черточек, воочию виденных артистом в годы войны, выплел Бушнов этот образ, собирательный и неповторимый, — образ рабочего человека с ясной головой и крепкими руками, данными ему для того, чтобы строить, добывать тепло, растить хлеб и детей, беречь покой на земле. Из удивительного — поэтического и философски объемного — шолоховского мира пришел этот образ огромной нравственной силы. Истинно народный характер создал ростовский актер, в памяти которого живо бьется его солдатская юность.

ДОСТАТОЧНО однажды увидеть актера Ростовского драмтеатра имени М. Горького Михаила Бушнова на сцене, чтоб узнать в нем воспитанника вахтанговской школы (он с отличием закончил училище имени Щукина при театре имени Вахтангова). Поющая пластика, абсолютная свобода, гибкость движений, упругая ритмичность, завидная музыкальность (устоял перед соблазнами пригласений в оперетту). Глубоко осмысленное и чистое владение словом. Изящная красота — то лирически мягких, то сочно бытовых, броско комедийных, то драматически сдержанных, суровых. Все вместе это рождает ту яркую и законченную форму, в которую содержание литературного образа вливается, как металл в опалку, — точно, без пустот.

Но Бушнов пришел в театр не для того только, чтобы показывать пусто даже изобретено психологические изгибы различных характеров. Одних героев он откровенно любит, других — трюсов, лжецов, мечтан, врагов — яростно ненавидит. Зрительный зал для него — не случайные сотня людей, объединенных лишь желанием отдохнуть в театре. Нет!

Это те же рабочие, к которым он приходил в цехи, присматривался к их труду, любовался мастерством литейщика и кузнеца, лемальщика и токаря, слесаря и сварщика, беседовал о делах заводских и рассказывал о своих планах. Это те же опаленные солнцем хлеборобы, которым он давал концерты прямо на полеводном стане. Животноводы, что с неторопливым достоинством водили его по новейшим фермам. Студенты, приглашавшие его на диспут о героическом времени. Солдаты, у которых он частый гость. Ученые и педагоги, инженеры и разведчики недр, врачи и служащие — люди множества профессий, объединенных одним великим общественным делом.

И он, артист Бушнов, должен дать им сегодня новый заряд энергии, вовлечь их в сопереживание, в активное осмысление явлений жизни и искусства, помочь им увидеть собственную красоту. Актер глубоко убежден и убеждает зрителя, что неистощимо прекрасное в человеке. В каждом. Стоит только пристально «копнуть», поискать.

НАСТОЙЧИВО, хоть и исподволь, растил своих ребят бригадир рабочих Федор Галай («Разбуженная совесть»), каким играл его Михаил Бушнов. Осторожно соскабливал наносное, не достойное рабочего человека, выявлял надежное, главное. Спокойный, дружелюбный, был он им и равным товарищем, и заботливым старшим братом, и строгим отцом. Но наступал в спектакле момент, когда взрывался невозмутимый Галай. Как в поединке не на жизнь, а на смерть, схватывались они с Сысоевым, бывшим вором, потерявшим веру в добро и правду, ожесточенным на все вокруг.

Напряженно подался вперед Галай, побелели руки, мертвое вцепившиеся в край стола, глаза сузились в молнии, бурвал Сысоева. Видно, хоть режь Федора, а не отступит: он от заблудшего скептика, делом и заботой встречает его душу, обернет ее к людям.

И как неожиданно мог обогатить Бушнов такой, казалось бы, ясный в своей незамысловатой форсисности характер, как Василий из драмы «В день свадьбы».

Все заблуждения непутевого, но прямой натуры были оправданы воинствующей человечностью, глубоко выстраданной честностью, к которым привел Бушнов своего Василия — с ним, как со многими своими героями, прошел он нелегкий путь мужания личности.

ОТ ВОДЕВИЛЯ — к высокой трагедии — девиз вахтанговцев. Бушнову посчастливилось его воплотить.

Было множество водевилей, музыкальных комедий — с бесконечными актерскими выдумками, с переодеваниями, с неразличной подружью-гитарой, со звонкой песней, с плясками на загляденье.

Недаром же писал ему Роман Быков, бывший соратник, ныне известный киноактер и режиссер: «Снимался в «Педагогической поэме» и все вспоминал тебя — пришлось плясать. Как получилось — увидишь, проверишь свою школу».

Было множество мальчуганов, парнишек — застенчивых, мечтательных, непокорных, солнечно жизнелюбивых. Все они были влюблены в Революцию. Среди них — беспризорник Яшка («Именем революции») — эксцентричный обываш, остроумный нахаленок, от рождения поэт.

Горько мыкала его «житуха», сделала юlichem, задиристым. Но стоило ему встретить настоящих друзей — и зазвонела песенка-мечта о жарких прекрасных странах, все заиграло в нем, подобрававшимся, увидевшим ясную цель.

С недетским драматическим накалом произносил Яшка — Бушнов монолог о Ленине, о близком будущем. Были в этом монологе пронзительное мальчишеское счастье и тревожное предощущение дорогой цены, заплаченной за него в суровой борьбе. Щедрая готовность к подвигу раскрывалась в маленьком романтике, который, не раздумывая ни секунды, с рыцарской преданностью заслонял собою Революцию от вражеской пули.

От Яшки, восторженно принятого юными зрителями, пошла галерея самых ярких образов, созданных Михаилом Бушновым. Это невиданные прежде новые люди. Они делали революцию. Революция делала их. Это и матрос Расколупа, заплывавший, было, на сложных перепутьях новой эпохи («Между ливнями»), и геройский красный казак Архип Шумилин («Пусть цветут тюльпаны»), и неторопливый кракостый крестьянин Кондрат Майданников («Поднятая целина»), и бесстрашный офицер Бесавкин, борющийся с фашизмом в самом его логове («Камешки на ладони»), и шофер Петрович с его кипящим гражданским темпера-

ментом («На диком берегу»).

С каждой работой актера все весомее становилась поступь его героев, все органичнее сливались в них величие и простота наших современников, все духовно напряженнее, нравственно насыщеннее их жизнь: самоотверженного физика Максима («Чти отца своего»), Будулая из «Цыгана» по одноименной повести А. Калинина, профессора Садовникова («Единственный свидетель»), Юрия из леоновских «Половчанских садов» и многих еще. С интереснейшим человеком знакомит нас актер в своей великолепной последней работе («Одни, без ангелов») — с архитектором Костей, который помогает окружающим обрести себя и свое место в жизни.

СПРОЗРАЧНО-воскового лица наивно, безоружно взирают на страшный, чуждый мир огромные глаза. Они то излучают печальный ясный свет, то заволакиваются нездешней благодатной ментой. То в редкие минуты гнева зло засверкают бешеными огоньками, чтоб вскоре погаснуть от бессильной муны. Незабываемые глаза царя Федора...

Бушнов — царь Федор Иоаннович? Бушнов, с переполняющим его оптимистическим мироощущением? Бушнов, снискавший себе любовь как объективнейший комедийный «простак»? В это, честно говоря, никто не верил, кроме режиссера и актера, дерзнувших одолеть одну из труднейших трагических ролей классического репертуара.

Пристально исследуя природу человечности, актер показывал все зло абстрактной доброты. Он тонко вытиснул образ из трагических противоречий, из собственного к нему сочувствия, и мудрой иронии, и беспощадного приговора. На цыпочках мечется его царь от одного боярина к другому, судорожно хватая их за руки, испытательно заглядывая в глаза и жалобно моля немиримых, раущих Русь на части, примириться.

Этот Федор любит свою Русь, искренне мечтает увидеть свой народ счастливым, но, безвольный, жалкий, он ужасается тех рук, что с мольбою тянутся к нему, ища защиты, справедливости. Потрясенный сознанием своей государственной немощи, в финале он совершенно одинок. Народ где-то там, ушел на битву. Медленно оползает фигура царя, застывает на коленях, медленно поднимается слабая рука и трепещущими перстами благословляет Русь, народ, только б — хоть этой малостью — причаститься к его судьбе...

НЕ БЫЛО у Бушнова более азыскательного и более дорогого зрителя, чем в тот вечер, когда в Ростовском драматическом театре имени Горького собрались ветераны революции, те, о ком в народе сложили песни, — легендарные буденовцы. Полвека минуло с тех пор, как стали они бойцами Первой Конной. Теперь же к ним пришла их юность. Буйная, многоголосая, она заговорила с ними со сцены. Бушнов играл весельчак и балагур — Бойца в галифе.

С бузы начался его приход в Первую Конную. Бушнов позволяет своему Бойцу вдоволь порезвиться, но и сразу дает понять, что если скодуют шельху, тронутую запахом анархизма, откоется здоровая сердцевина. И таких звала революция, встраивала, перековывала.

Процесс рождения нового человека Бушнов прослеживает стремительно и точно. Самозабвенно отдаваясь стихии национального юмора, раздолью русской души, прелести певучего донского говора, Бушнов придает фигуре Бойца какой-то былинно-озорной размах. Ни в чем не изменяя природе народного комедийного характера, он органично соединяет ее с героическим пафосом.

Его Боец и перед лицом смерти не расстается с шуткой: пусть господа белопогонники боятся нас! Победно растопырив латяню: во! Видали? Во всех пятах света наши, красные! Он бы их еще и не так распропагандировал, да захлебнулся пулей, не дали досказать, сволочи. Но все равно за ним оставил Бушнов последнее слово. Напружинился Боец, на один вдох отодвинул смерть и успел натянуть на буйную свою головушку островерхую буденовку. Крепко, двумя руками натягивал, чтоб видела все, как сияет неугасимо красная наша звездочка!

В ГРИМЕ или без него всегда узнаваем заслуженный артист республики Михаил Бушнов в главнейшем своем качестве человека, художника, коммуниста: целеустремлен и напорист, доказателен и убедителен, непоколебим в стремлении отстаивать истину. В каждой роли, в многогранной общественной деятельности, он всегда утверждает высокие идеалы коммунизма. И всем богатством, природой отпущенным ему даром, и неисчерпаемым трудом шлифованного мастерства он владеет, как оружием. Каждым словом своим утверждает высокое назначение искусства. Он пришел в него солдатом, чтобы остаться на передовой линии жизни.

И. КИДИНА